

Сун Сиянь дал раздосадованной родной матери дольку мандарина, в голосе не прозвучало никаких эмоций:

— Я действительно не говорил ему о том деле, тогда побоялся, что он начнет лишнее думать, да и сам считал, что он справится. Ладно, не будем о нем. Мандарики такие вкусные, давай ешь мандарины.

Чжао Линьлань снова съела дольку, которую он ей дал. В любом случае, с руками на капельнице ей было деться некуда, оставалось только шевелить губами:

— В конце концов, Жаньжань лучше всех. Твой дядя Чжэн говорил, что он все эти годы был один, несколько раз в год справлялся о тебе. Твой дядя Чжэн его дурит, говорит, что ты женился, что у тебя есть дети, и даже отправляет ему ваши совместные фото с хотунем. Видишь, старый Чжэн за эти годы натворил немало дурного. Кто бы мог подумать, что мы, старики, все же не переживем вас, молодых.

— Кстати, — она продолжила, жуя мандарин, — когда вы помиритесь, приведи его ко мне, я приготовлю ему свиную грудинку с овощами мэйцай. Жаньжань с детства любит мое блюдо, каждый раз тарелку дочиста вылизывает.

Сун Сиянь в основном молчал, изредка отзываясь словом-двум. Чжао Линьлань же сама от нечего делать болтала, вовсе не надеясь, что сын поддержит разговор.

Когда капельница закончилась, на небе уже стемнело. Сун Сиянь получил лекарства, отвез Чжао Линьлань домой на машине. Врач сказал, что нужно еще понаблюдать ночь, возможен легкий жар, так что Сун Сиянь остался ночевать у мамы.

Большую часть жизни Чжао Линьлань жила легко и свободно, и в среднем возрасте не хотела становиться старой каргой, которая целыми днями ворчит на сына. Она считала, что сын уже взрослый, и у каждого должна быть своя жизнь, поэтому они с сыном жили раздельно.

Уложив мать в комнату, Сун Сиянь пошел на кухню, сварил лапшу с мясом и зеленью. В конце еще поджарил яйцо-пашот и положил сверху на лапшу.

Чжао Линьлань лежала в постели, вялая, уже почти засыпала. Сун Сиянь помог ей сесть, смотрел, как она в полудреме ест лапшу, затем приняла лекарства, и только после этого снова уложил ее. Перед сном она в полусне поторопила Сун Сияня идти спать, но не договорила, как уже уснула.

Сун Сиянь сел на стул у ее туалетного столика и не уходил.

Ночью у Чжао Линьлань действительно поднялась небольшая температура. Сун Сиянь дал ей попить воды, теплым полотенцем протер ей лоб и подмышки, суетился довольно долго, но температура таки спала.

Когда жар спал, Чжао Линьлань была потревожена сыном наполовину. В полудреме она сказала Сун Сияню:

— Яньянь, мама перед Новым годом уехала гулять, нашла Жаньжаня. На самом деле, мама вернулась вместе с ним.

Сун Сиянь удивился, но не промолчал, спокойно ожидая продолжения.

— Он не знал о твоих мыслях, боялся, что ты не захочешь его видеть, не решался вернуться, все ждал, что ты первый свяжешься с ним. Но ждал несколько дней, так и не дождался. Я сказала, что если дальше ждать, то уже Новый год, а ты тоже о нем думаешь, так что вернулась вместе с ним. Мама, наверное, слишком вмешалась?

— Нет, — сказал Сун Сиянь. — В любом случае, рано или поздно нужно было вернуться, не может же он вечно оставаться там. Вы не говорите, до утра еще далеко, спите.

— Вчера ты так разозлился, сказал такие слова... Мама не такая, как Шань Хэ. Мама любит тратить деньги, но мама не алчная. Вчера я поразмышляла, с того момента как в семье появились деньги, эти годы я каждый раз при разговоре с тобой не могу отойти от темы денег. В будущем я исправлюсь.

Чжао Линьлань зевнула, на самом деле ей тоже было очень сонно, но она все же пробормотала пару фраз:

— Я всю жизнь жила эгоистично, своенравно, без ограничений, не слушалась наставлений, мне суждено было жить одной. Ты другой, тебе нужно, чтобы кто-то был рядом...

Третий дядя говорил правду. Чжао Линьлань всю жизнь была любимицей, характер избалованный. В юности жизненные условия были слишком хорошими, ни дальних забот, ни ближних тревог, из-за чего ее взор был недальновидным, она была человеком, живущим только настоящим. В вопросах денег тоже: если есть юань — тратит юань, если есть цзяо — тратит цзяо. Даже если дать ей несколько десятков миллионов, в её руках это не продержится и полугодом.

Она не боялась полного разорения, потому что в сердце знала: пока у родных есть еда, не пропадет и её половина куска. Если говорить словами бабушки, то «к счастью, в семье денег хватает, иначе она бы, несомненно, стала пиявкой, которая только высасывает кровь».

Чжао Линьлань как личность с юности шла нестандартным путем, её жизнь, если судить строго, после семи поворотов оказалась в какой-то степени неудачной. Но она действительно была матерью на проходной балл, она любила своего сына, поэтому по сравнению с тем, чтобы смотреть, как сын состарится в одиночестве, она скорее предпочла бы, чтобы он был гомосексуалистом.

Сун Сиянь протянул руку и выключил прикроватный свет, сел на стул и не двигался, сонность совсем не приходила.

На шестое число, после полудня, еще без пяти пять, Сун Сиянь припарковал машину на парковке возле Сяо Лайфу, потер лоб, без сил поднялся на второй этаж. Лян Сяофэй был прав, скоро тридцать, нужно быть более степенным, ночное бодрствование и бессонные ночи — это действительно нельзя.

Придя в заказанный кабинет, он потянул на себя дверь, и на него уставили глаза более двадцати пар. В кабинете было тихо неестественно, Сун Сиянь затрясся от того, что на него так смотрели.

— Что случилось?

Стоило ему открыть рот, словно нажали какой-то переключатель, и его чуть не завалили обвинениями с небес и земли. Сун Сияню только казалось, что в ушах гудит, мозг после бессонной ночи немного онемел, столько людей говорили одновременно, он так и не мог

расслышать, о чем именно они говорят.

— ...Вы о чем говорите?

В этот момент подошел Чжэн Цзыжань. Сун Сиянь только сейчас заметил, что он тоже пришел. Видно, этот парень улыбался с выражением беспомощности:

— Они говорят, что на собрании несколько лет назад ты сказал им, что я умер.

Сун Сиянь еще больше опешил:

— ...Я такое говорил?

Чжэн Цзыжань кивнул:

— Когда я только вошел, они правда испугались, каждый был напуган до смерти. — Снова спросил он Сун Сияня:

— Объяснишься?

Сун Сияню нечего было сказать, он даже не знал, что было такое дело, как ему объясняться?

Старые одноклассники в кабинете все еще были полны негодования, пристально глядя на Сун Сияня и требуя объяснения. Как раз в тупике появился этот парень Лян Сяофэй:

— Привет, одноклассники! Снаружи такая пробка, я чуть не опоздал! Эй вы двое, зачем стоите у двери?

Сун Сиянь повернулся и уставился на него мрачным взглядом, пальцем указав на Чжэн Цзыжаня, спросил:

— Я говорил, что этот человек умер?

Лицо Лян Сяофэя треснуло. Он хорошенько заикался, прежде чем собрать целое предложение:

— То... то есть, это уже лет шесть назад, ты тогда сильно напился, начал говорить чушь. Я думал, ты помнишь.

У Сун Сияня разболелась голова:

— А почему ты тогда не упоминал?

Лян Сяофэй пробормотал:

— Ты же сказал, что он умер, кому так лениво было бы упоминать это перед твоим лицом?

Эти слова услышали еще двое, и выражения их лиц стали самыми разными.

Втроем они стояли у двери, сидящие внутри за столом людей не слышали последних слов Лян Сяофэя, но фразу «напился и говорил чушь» расслышали четко. Сун Сиянь из-за своей бредни снова получил порцию критики.

— Вы что стоите у двери? Заходите, садитесь, — старые одноклассники закончили критику, великодушно подвигали стулья, освободив три места. В школе все знали, что у этих троих

самые железные отношения, сейчас тоже очень естественно уступили три места рядом.

Сун Сиянь задержал шаг, он уже шел к одному свободному месту, но они так подвинулись, что это свободное место исчезло. Он взглянул на двух других, обнаружив, что те тоже смотрят на него.

В конце он сел рядом с Чжэн Цзыжанем. Лян Сяофэй этот парень уже предал их двадцатидевятилетнюю революционную дружбу, перейдя в лагерь Чжэн Цзыжана. После обмена взглядами с Сун Сиянем он первым шагом сел на крайнее из трех мест, оставшиеся два, как бы Сун Сиянь ни выбирал, ему все равно приходилось сидеть рядом с Чжэн Цзыжанем.

Сун Сиянь сел на среднее место, тайно пнул Лян Сяофэя, пнув так, что тот скривился от боли, а в сердце обругал его последними словами. Однако на самом деле, облитым «собачьей кровью» оказался он сам.

По поводу дела о «смерти» Чжэн Цзыжана, старые одноклассники приняли тот факт, что это была всего лишь пьяная бредня Сун Сияня, но не собирались его отпускать. Даже до некоторой степени невиновного Чжэн Цзыжана они не собирались так просто отпускать. Этот человек столько лет не участвовал в собраниях, и о нем не было ни слуху ни духа, сегодня же сразу показался и дал им такой большой сюрприз, нужно как следует поболтать.

<http://bllate.org/book/16804/1545322>